

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. П. ЧЕХОВА

А. П. ЧЕХОВ и А. М. ГОРЬКИЙ в Ялте (с фотографии начала 900-х годов).

Величайший мастер рассказа

152

Чехов говорил о Мопассане: «Он, как художник слова, поставил такие огромные требования, что писать по старинке сделалось уже больше невозможным». В еще большей мере это относится к новеллистике самого Чехова.

Искусство короткого рассказа было поднято им на небывалую высоту. Вся Россия на рубеже двух веков, в ее контрастах и противоречиях, в ее будничных трагедиях и поисках путей к лучшему, в правде безусловной и честной, раскрылась на страницах чеховских новелл. В самом течении повседневной жизни находился Чехов неиссякаемые источники поэзии. «Про Сократа легче писать, чем про барышню или кухарку», — любил повторять он. Никто до Чехова не умел так видеть красоту скромных, неприметных людей, таких, как «великий» и обыкновенный доктор Дымов из «Попрыгуньи» или Надя Шумина из «Невесты».

Сюжет у Чехова кажется неэффективным, занимательность ему чужда. Попробуйте пересказывать лучшие вещи Чехова — исчезнет волшебное обаяние его прозы. Репин в письме автору «Палаты № 6» удивлялся: «Даже просто непонятно, как из такого простого, незатейливого рассказа вырастает в конце такая несоразмерно глубокая и колоссальная идея человечества. Какой вы силач!» А ведь находились же в девяностые годы враждебные Чехову критики, увидевшие в его рассказе анекдот о здоровом человеке, упрятом в сумасшедший дом. Ленин подчеркнул значимость «Палаты № 6»: «У меня было такое ощущение, точно я заперт в палате № 6». У Чехова на деле шла речь о самых коренных явлениях мрачно-реакционной российской действительности!

В рамки рассказа Чехов укладывал содержание, которого хватило бы на роман. Сколько раздумий вызывает «Дама с собачкой», эта жемчужинка русской литературы. Великая сила любви к Анне Сергеевне, милой, пленительной женщине, внезапно озаряет всю жизнь заурядного банковского служащего Гурова, погрязшего в обывательских, пошлых связях, гастрономических и картежных интересах. С огромным чувством следит читатель за мучительными для Гурова и Анны Сергеевны поисками освобождения из плена условностей и предрассудков собственного общества. И тут — поразительная деталь — чиновник, которому Гуров в порыве откровенности начал рассказывать что-то о встрече с «дамой с собачкой», равнодушно и жестоко обращает его внимание на то, что в клубе к столу была подана «осетрина с душиком». Одна фраза — и как она обнаруживает тупую враждебность пищеvarительно-утробного мирка мещанина новому, просветленному большому искренним чувством Гурову. Так же «работают» в «Учителе словесности» неоднократно повторенные ограниченными провинциальным «культуртрегером» Шибалиным вопросы: «Как, вы не читали Лессинга?», такой же силы детали поведения пресловутого Беликова из «Человека в футляре» — зонтик и галши в любую погоду. Примеры можно умножать бесконечно.

Да, сжатость и концентрированность чеховского письма не имеет себе равных. «Краткость — сестра таланта», «беллетристика должна укладываться сразу, в секунду», — говорил Чехов. Он не тратит лишних слов на «описания», энергично и прямо знакомит нас с людьми и обстановкой действия. Две-три фразы, и уже мы прекрасно ориентируемся в том, что происходит в задушной земской больнице, в забавно-нелепых «отношениях» фельдшера Куряткина и дьячка Воинигласова («Хирургия»), немногим больше требуется для характеристики студента Васильева в «Припадке» или Боврина в «Черном монахе». И вместе с тем чеховские люди не элементарны, в них всегда приоткрывается неожиданное, часто они просле-

жены в целой биографии, воссозданной из наиболее типичных и характерных событий и обстоятельств.

На наших глазах зарастает жиром душа и тело доктора Старцева в «Ионыче». Несколько эпизодов его жизни, но сказано абсолютно все об опустошении человеческой души. Молодой, не лишенный благородных стремлений врач, погрязнув в тине житейских мелочей, превращается в сытого циника, озлобленного лишь приумножением капитала. Чехов не любит «лововых» разоблачений, поэтому и его Старцев полнее всего «оголяется» в эволюции отношения к семье Туркиных, в своей несостоявшейся любви. Здесь мы вместе с персонажами словно опускаемся по ступенькам лестницы человеческой жизни, которые приводят и Старцева и ему подобных вроде Чимши-Гималайского из «Крыжовника» в тупик обывательского прозябания. Так композиция чеховских рассказов становится отточенным оружием раскрытия страшного в нестрашном, драматизма безысходной логики морального увядания человека в мире фальшивых стяжательских идеалов. Горький в связи с этим писал: «Огромное Вы делаете дело вашими маленькими рассказами, возбуждая в людях отвращение к этой сонной, полумертвой жизни»...

Было бы наивно делить творчество Чехова по разрядам: новеллы сатирические, лирико-драматические, юмористические и пр., как это сделал недавно автор книги о мастерстве великого художника. Вспомним «Дом с мезонином» — здесь и добрая улыбка, и тонкая ирония, и сатирическая насмешка, и легкая дымка грусти — знаменитая «концовка»: «Мисюся, где ты?». А «Тоска» с забавным по началу извозчиком Ионой и вдруг забирающим за душу его монологом к лошади. В каждом рассказе Чехов неповторимо своеобразен: изобразительность «Унтера Пришибеева», «Злого мальчика», «Хамелеона», «Налима» совершенно непохожа на условженный — в соответствии с задачей — комплекс художественных приемов «Скучной истории», «В овраге», «Случай из практики». Но в любом варианте Чехов как бы заявляет читателю: вот какова жизнь, она богаче и сложнее, чем может показаться в своей простоте и нищете.

Чеховским новеллам присуща почти символическая — не случайно сам писатель так определял звучание рассказа «Счастье» — интонационная образность. Как не вспомнить один из его шедевров — «Степь», эту поэму в честь родной природы с ее удивительным лирическим подтекстом, с ее проникновением в духовное богатство русского народа, с ее обещающей темой будущего. Особенно в свои последние годы Чехов искал форму рассказа, которая бы позволила ему выразить убежденную веру в ту Россию, над которой засияет «небо в алмазах». Так написана его лебединая песнь «Невеста», с перспективой, с атмосферой ожидания, с нарастающей мажорной нотой, вплетающейся в судьбу Нади Шуминой, одной из тех, кто должен «перевернуть» все в русской действительности.

Исследователи целые тома посвятили мастерству Чехова-портретиста, его диалогу, речевому богатству, словом, всему тому, что объясняет оценку Горького, заметившего: «Как стилист, Чехов недостижим», или мнение Льва Толстого, назвавшего своего младшего современника «Пушкиным в прозе».

Да, Чехов навсегда останется учителем для прозаиков как в Советском Союзе, так и за его рубежами. Крупный английский писатель Джон Пристли пятнадцать лет назад говорил: «Влияние Чехова уже теперь огромно. Художественный метод Чехова — это метод, который усвоят в ближайшем будущем лучшие мастера повествовательного искусства. Это — лучшее, что есть в литературе». К этим, продиктованным огромной любовью и уважением к Чехову словам, нельзя не присоединить.

В. ГАЛПЕРИН.